

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.2>

UDC 811.161.1“16/17”

LBC 81.411.2-03

Submitted: 18.01.2021

Accepted: 11.05.2021

MEDICAL BOOKS OF THE 17th–18th CENTURIES FROM THE SIBERIAN ARCHIVES: STRUCTURAL-AND-GRAMMATICAL ASPECT

Olga V. Trofimova

Tyumen State University, Tyumen, Russia

Anastasia V. Petrukhina

Tyumen State Medical University, Tyumen, Russia

Abstract. The article presents a comparative study of two medical books from the Siberian archives dating back to the 17th–18th centuries: *Tobolsk Lechebnik (TL)* kept in Tobolsk Book Depository, and *Altai Lechebnik (AL)* stored in Altai Museum of Local Lore – both stemming from the text of the medical book called “*Prokhladnyi Vertograd (The Cool Garden)*” from the collection of the Rumyantsev Museum (*PV*). Our findings show that Siberian medical books demonstrate different degrees of structural and grammatical transformation of the source *PV* text, conventionally considered by the authors of the research to be a list, which is chronologically closer to the original text. It was established that *TL* can be regarded as a list derived from the *PV*, and *AL* – a source reflecting a further stage in the process of text generation in the institutional medical discourse. We claim that the intentional and grammatical perspective of the medical text formation is associated with the modal variability of verbal lexemes: the prevailing in *PV* and *TL* personal verb forms reflect the presence of the subject of speech as an agent in special communication; in *AL* these are replaced by infinitives which transform the real modality of the message about an action “from experience” (in *PV* and *TL*) into a syntactic categorical imperative. It was also determined that the subject of the action expressed by personal verb forms is typically generalized (in this case, special actions of the doctor and the patient can be detected through the difference in the verbal lexemes). The subject is not grammatically defined with the infinitive verb forms.

Key words: history of the Russian language, historical source, ‘*lechebnik*’ – medical book, modality, subject of speech, verb forms, medical discourse.

Citation. Trofimova O.V., Petrukhina A.V. Medical Books of the 17th–18th Centuries from the Siberian Archives: Structural-and-Grammatical Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 4, pp. 19-35. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.2>

УДК 811.161.1“16/17”

ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 18.01.2021

Дата принятия статьи: 11.05.2021

ЛЕЧЕБНИКИ XVII–XVIII вв. ИЗ СИБИРСКИХ АРХИВОВ: СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ольга Викторовна Трофимова

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Анастасия Владимировна Петрухина

Тюменский государственный медицинский университет, г. Тюмень, Россия

Аннотация. В статье представлено сопоставительное исследование двух лечебников XVII–XVIII вв. из архивов Сибири: Тобольского книгохранилища (далее – ТЛ) и Алтайского краеведческого музея (далее – АЛ)–

в проекции на текст лечебника «Прохладный вертоград» из собрания Румянцевского музея (далее – ПВ). Обнаружено, что сибирские лечебники демонстрируют разную степень структурно-грамматической трансформации текста ПВ, условно принятого авторами статьи за список, стоящий в хронологическом отношении ближе в тексту-оригиналу. Установлено, что ТЛ можно считать списком ПВ, а АЛ – источником, отражающим дальнейший этап в процессе текстопорождения в институциональном медицинском дискурсе. Выявлено, что интенциональная и грамматическая перспектива формирования медицинского текста связана с модальной вариативностью глагольных лексем: преобладающие в ПВ и ТЛ личные глагольные формы, свидетельствующие о присутствии субъекта речи как деятеля в специальной коммуникации, заменены в АЛ инфинитивами, преобразующими реальную модальность сообщения о действии «по опыту» (в ПВ и ТЛ) в синтаксический категорический императив. Показано, что субъект действия при личных глагольных формах, как правило, обобщенный (при этом специализация действий врача и больного может быть обнаружена через различие глагольных лексем), а при глаголах в форме инфинитива деятель грамматически не предопределен.

Ключевые слова: история русского языка, исторический источник, лечебник, модальность, субъект речи, глагольные формы, медицинский дискурс.

Цитирование. Трофимова О. В., Петрухина А. В. Лечебники XVII–XVIII вв. из сибирских архивов: структурно-грамматический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 19–35. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.2>

Введение

С давних времен при лечении различных болезней использовались методы и средства народной медицины, передаваемые русским народом из поколения в поколение в устных заговорах, а позднее – в зелейниках, вертоградах, травниках и лечебниках. В них отразился многовековой опыт применения лекарственных растений и трав. Но, по словам Д.С. Лихачева, лечебники и травники представляют собой «не только своеобразные руководства к отогнанию зла – душевного и телесного. Это великолепные памятники языка и эстетического понимания окружающего мира» [Лихачев, 1987, с. 11].

По словарю Брокгауза и Ефрона, в соответствующую статью в котором включена цитата из речи Ф.И. Буслаева «О народной поэзии в древнерусской литературе», «**травники** или **лечебники**, древнерусск. переводн. изборники, заключают в себе не только собственно врачебн. пособия, но и всевозможн. наставления о различн. важнейш. случаях в жизни, для благополучного исхода кот. необходимо слово, молитва или заговор, или вещая примета» (МЭСБЕ).

В издании словаря 1901 г. отмечалось, что, во-первых, «литературная история наших т[равников] еще мало выяснена», во-вторых, «во многих списках иностранное съ туземным слилось въ одно нераздѣльное цѣлое», в-третьих, «древнерусскій “Лѣчебникъ” первоначально принадлежалъ къ области “отре-

ченныхъ” книгъ: исходнымъ зерномъ т[равников] были, вѣроятно, так наз. “ложныя молитвы”», в-четвертых, «т[равники] стоятъ близко къ “Домостроямъ”»; разница между ними та, что въ послѣднихъ господствуетъ только житейская мудрость и опытность, между тѣмъ какъ лѣчебникъ постоянно прибѣгаетъ къ сверхъестественнымъ чарующимъ силамъ» (МЭСБЕ, с. 683–684). Здесь же приводится актуальный на начало XX в. список исследований, посвященных средневековым лечебникам и травникам. Перечень 28 русских лечебников, хранящихся в Пушкинском доме, представлен в [Груздев, 1974].

В современных толковых словарях слово *лечебник* имеет стилистические пометы архаизма: «устар. Книга, популярно излагающая способы лечения различных болезней» (БТС, с. 495); «истор. общее название древнерусских медицинских изданий (зелейники, травники и др.), обобщавших опыт народной медицины, а позже включавших и научные сведения» (ЭСМТ); «1. м., устар. Книга, содержащая сведения о лечении различных болезней. 2. м., устар. Лечащий, практикующий врач» (Ефремова). В тех же словарях многозначное слово *травник* дано с толкованиями: «Книга, содержащая описание лечебных растений и способов их применения» (БТС, с. 1337); «истор. древнерусский лечебник, содержащий описания лекарственных трав и снадобий растительного происхождения, применявшихся в народной медицине, с указанием на болезни, при которых и в каком количе-

стве их надлежит применять» (ЭСМТ); «Старинная книга, содержащая описание лечебных растений» (Ефремова).

Обратим внимание: если современные словари тяготеют к некоторому различению реалий, то словарь Брокгауза и Ефрона в отношении древнерусских текстов представляет термины *лечебник* и *травник* как эквивалентные; в достижении же прагматической цели при использовании этих врачебных пособий ведущая роль словарем Брокгауза и Ефрона, в отличие от современных, отводится «сверхъестественным силам», обращение к которым входит в протокол врачевания.

Именно заговоры в составе русских рукописных травников и лечебников в первую очередь привлекали внимание ученых с середины XIX века. А.Н. Афанасьев в своем исследовании «Поэтические воззрения славян на природу» (1865) так характеризует памятники позднейшего времени, а именно XVII–XVIII вв.: «...редкий народный лечебник или травник найдется без заговоров; подобные рукописи, писанные большей частью безграмотно, составляют истинный клад для науки. К сожалению, они не восходят ранее XVIII столетия; допетровская Русь сурово относилась к народному суевию, и вместе с колдунами и ведьмами жгла и их волшебные тетрадки» [Афанасьев, 1994, с. 45].

В 1879 г. В.М. Флоринский опубликовал работу «Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия», в которой отмечал, что травники и лечебники содержат значительное количество народных предрассудков, суеверий. Автор считал, что лечебники имеют практическое значение: средства, описанные в них, отличались доступностью, простотой и считались действенными, приносящими пользу простому народу [Флоринский, 1879, с. 17]. Фрагменты из рукописных текстов опубликованы в книге из серии «Памятники литературы Древней Руси» с комментариями В.В. Колесова [Колесов, 1987], утверждавшего, что «сегодня травники и лечебники важны как свидетельство художественных интересов средневекового человека», и обратившего внимание на то, что можно сегодня определить как дискурсивный характер и мегатекстовую специфику травников и лечебников:

«...каждый последующий “списатель” дополнял от себя текст, и в результате перед нами возникает целостная картина того исходного образа, который лежит в основе постоянно разрастающегося сочинения» [Колесов, 1987, с. 609].

Некоторое представление о ситуации множественности последующих списков и вариативности интерпретации предшествующих, более близких по времени к оригиналам, может дать сопоставление в таблице 1 ниже трех вариантов начала одной и той же статьи лечебника; за исходный (1) принят текст статьи из «Колобовского» списка XVII в., созданного в г. Шуе и опубликованного В.В. Колесовым; (2) – перевод на современный язык из публикации В.В. Колесова; (3) – Лечебник XVII в. (XVIII в.?) из Тобольского книгохранилища; (4) – Лечебник или Прохладный вертоград 1672 года. Совпавшие фрагменты, оказавшиеся содержательно главными – формулировка проблемы (*укус kota или кошки*), действие (*приложить*) и лечебное средство (*пластырь луку*), выделены полужирным шрифтом. При публикации в таблице выносные буквы оригинала включаем в строку, выделяя курсивом, сохраняем знаки препинания, титла и буквы [ѣ] и [ї].

Считая текст (4) более близким по времени к исходному оригиналу, обращаем внимание на различия интерпретаторов (составителей лечебника или публикаторов) в четырех местах:

(а) сочетание с абстрактным существительным *зеленость тѣла* → трансформировано в предикативную конструкцию с кратким прилагательным *зелено есть тѣло* (3);

(б) оценочная инфинитивная конструкция с наречием *но то излечити просто* → представлена как безличная с модальностью условной необходимости с личной формой глагола и зависимым инфинитивом и сменой сочинительного союза *а пристойит излечить* (3) или → инфинитивная конструкция с модальностью волеизъявления и с *просто* в функции частицы *просто приложить* (1), замененной в современном варианте частицей *только* (2);

(в) постпозитивное согласованное прилагательное-определение (*луку*)*толченого* → представлено в (1) как начало новой предика-

Таблица 1. Варианты фрагмента статьи лечебника

Table 1. Variants of the medical book excerpt

Лечебникъ от многих мудрецовъ о различныхъ врачевскихъ вѣщехъ, ко здравію чловѣческому предстоящихъ [Колесов, 1987, с. 502, 504]	Лечебник из многих мудрецов о различныхъ лечебныхъ средствахъ, здравію людей способствующихъ [Колесов, 1987, с. 503, 505]	Лечебник XVII в. (XVIII в.?) из Тобольского книгохранилища (ГЛ, с. 12, 79)	Книга «Прохладный вертоградъ», избранная от многихъ мудрецовъ: о различныхъ врачевскихъ вѣщехъ. Ко здравію чловѣческому пристоящихъ (ПВ)
(1) О котѣ. От котова ли или от кошкіна укушенія бываетъ великая болѣзнь и зеленость тѣла – просто приложить пластырь луку , тотъ чернаго исцѣляетъ	(2) О коте. От укуса кота или кошкіи возникаетъ тяжелая болѣзнь и зеленѣетъ тело – только приложить дольку лука, и он исцѣлитъ больногo	(3) О котѣ; 1. От котова или кошкіна укушенія бываетъ великая болѣзнь и зеленость тѣла а пристойитъ излечитъ приложитъ пластырь луку толчоного исцѣлетъ;	(4) О котѣ. От котова или от кошкіна укушенія бываетъ великая болѣзнь, и зеленость тѣла , но то излечити просто, приложить пластырь луку толчоного и исцѣляетъ.

тивной части *тотъ чернаго (исцѣляетъ)*, переведенной в (2) как *и он (исцѣлитъ) больногo* (то есть субстантивированное прилагательное *черный* → *больной*); отсюда в переводе и замена *пластырь* → *долька*;

(г) сомнительно однозначное понимание в (3) *исцѣлетъ* → *исцѣляетъ*.

Таким образом, представляется, что для будущего корректного исследования текстов старинных лечебников необходимо их предварительное критическое издание в виде параллельного корпуса.

В существующих на сегодняшний день исследованиях XXI в. народные травники и лечебники рассматриваются прежде всего как носители информации о роли традиционной медицины в русской средневековой культуре в историческом и этнографическом, в том числе фольклорном, аспектах [Голицына, 2009; Ипполитова, 2004; Леонтьева, Липинская, 2006]. Достаточно полную на начало XXI в. библиографию по теме находим в [Глинкина, 2008]. Так, А.Б. Ипполитова, изучавшая рукописные травники XVII–XVIII вв., утверждает, что в «народных» травниках – рукописных сборниках непостоянного состава, содержащих отдельные статьи, посвященные растениям и их полезным для человека свойствам, нашло отражение описание народной картины мира. Исследователь соглашается с В.В. Колесовым, считавшим, что «по материалам травников и лечебников более, чем по другим источникам, можно судить о частной жизни средневекового человека» [Колесов, 1987, с. 610]. Травники создавались как прак-

тические руководства, поэтому дают прекрасную возможность высветить мир повседневных интересов и проблем человека XVII–XVIII вв. [Ипполитова, 2008, с. 9, 14, 19]. Рукописные лечебники и травники содержат, в частности, богатый материал для изучения такой эстетической составляющей традиционного русского мировосприятия, как номинация цвета [Пименова, 1986; Пименова, 1987; Пименова, 2010]. По словам О.Ю. Голицыной, лечебники и травники, написанные простым языком, являлись своеобразной медицинской энциклопедией [Голицына, 2009, с. 20].

Собственно лингвистический аспект исследования рукописных травников и лечебников представлен в работах, имеющих целью рассмотрение их лексического состава, например [Коткова, 1991]. Эти тексты активно привлекаются в первую очередь для изучения ботанической лексики, фитонимов. Обобщающую историографию по теме, в широком славянском контексте, находим в монографии польского лингвиста Г. Ходурской «Из истории изучения фитонимов из восточнославянских рукописных травников XVII–XVIII века» [Chodurska, 2003]. Отметим в этой связи важное замечание В.В. Колесова: «Для понимания смыслов в Травнике важны не просто слово или термин (как раз термина здесь нет, он заменяется символическим названием растения, отчего так трудно определить его реальный вид), здесь важен образ, представленный в ритуально обозначенном действии; действием определялась и форма выражения – в древнейшем ее виде, формулой-заговором» [Колесов, 1987, с. 608].

Этимология фитонимов, в том числе в сопоставительном аспекте, – объект исследований И. Кур-Кононович [Kur-Konowicz, 2014; Kur-Konowicz, 2016].

Говоря об источниках русских лечебников, все исследователи так или иначе называют и русские устно-народные, и переводные книжные – «совершенно другого характера переводные лечебники» [Колесов, 1987, с. 610]. Но, воспринятые на русской почве, они постепенно изменялись в плане языка и стали, по выражению Г. Успенского, «коллективным созданием народного ума» (цит. по: [Колесов, 1987, с. 611]). В связи с этим естественно обращение к диахронически-стилистическому аспекту изучения данных произведений. Одним из первых об иноязычном влиянии на русские лечебники писал Ф.И. Буслаев, отмечавший, что «...все иностранное, накопившееся в течение веков, проникнуто Русским, народным характером, потому что и в том и в другом было одно общее начало: чужеземное чернокнижие было усвоено своему собственному суеверию»; «...наши Лечебники, эта любопытная смесь иноземного чернокнижия с народной мифологиею, относились к книгам отрезанным» [Буслаев].

В словаре Брокгауза и Ефрона читаем: «...списки носят на себѣ явственные слѣды то иностранной, то чисто русской редакціи» (БиЭ, 1901, с. 683). Вероятно, язык русских лечебников, в которых соседствуют заимствованные и русские языковые элементы и так или иначе отражается «русская рецепция» западноевропейских текстов, можно назвать, пользуясь выражением В.М. Живова, «гибридным» языком [Живов, 1996, с. 384].

Цель и задачи исследования

При изучении лечебников невозможно не иметь в виду вопрос о существовании их в виде списков, различных редакций, находящихся между собой в отношениях избирательности и дополнительности, – или же отдельных произведений. Для его решения значимо следующее мнение Д.С. Лихачева: «...движение текста надежнее всего определяет произведение: границы произведения – границы его относительно самостоятельной изменяемости» [Лихачев, 1983, с. 130], опираясь на кото-

рое, мы ставим в настоящем исследовании цель – изучая движение текста и его изменчивость, сопоставить три лечебника для установления не только их текстологического статуса, но и формирующей его преимущественной текстовой модальности.

Учитывая прагматическую направленность лечебников на успешность в организации специфической коммуникативной ситуации в обиходном типе дискурса, мы формулируем задачи: 1) проследить процесс текстопорождения в лечебнике XVIII в., обусловленный интерпретационной деятельностью субъекта письма – «автора» лечебника – в отношении текстов предшествующих лечебников и 2) через анализ функционирования глагольных форм исследовать формирование институционального (медицинского) дискурса (письменной коммуникации врача, аптекаря и больного) в его представленности одним из текстов XVIII века.

Материал и методы исследования

1. В словаре Брокгауза и Ефрона первым в списке «наших переводных лечебников» (начиная с XVI в.) указан «так наз. Прохладный Вертоград» (БиЭ, 1901, с. 683). В.В. Колесов говорит о переводных книгах «под общим названием “Прохладных вертоградов”, то есть “лекарских цветников” по названию одного из оригиналов “Hortus Amoenus” (по латинскому – “Сад пленительный”). <...> Прохладные вертограды особенно распространились к середине XVII века» [Колесов, 1987, с. 610]. Источники хотя и изучались в лингвистическом отношении, однако соответствующие работы единичны. Так, О.Н. Анциферова представила словообразовательные модели, по которым в них построены названия болезней и болезненных состояний [Анциферова, 2020]. Привлеченный к сопоставлению текст – Лечебник или Прохладный вертоград (далее – ПВ) – из «Московского Публичного и Румянцевского Музеевъ № 1316» опубликован в электронном варианте.

Почерк документа, прямой, с палеографическими чертами, свойственными средневековым рукописям, с различными знаками препинания, как правило, коррелирующими с современным их функционированием, достаточно легко воспринимается.

2. «Тобольский лечебник XVII века» (далее – ТЛ) опубликован исследователями Л.А. Глинкиной и М.С. Выхрыстюк (см.: (ТЛ)). По мнению А.Б. Ипполитовой, он представляет собой список книги «Прохладный вертоград», опубликованной В.М. Флоринским в издании «Русские простонародные травники и лечебники XVI и XVII в.» (1879, с. 19–209) [Ипполитова, 2008, с. 46]. Публикаторы, рассматривая ТЛ в контексте традиционной русской культуры, оценивают его как «своеобразный фрагмент наивной картины мира, соединивший в себе практицизм и стихийную народную фантазию человека русского средневековья» [Глинкина, Выхрыстюк, 2006, с. 63]. В отличие от других лечебников XVII в. ТЛ характеризуется отсутствием молитв и заговоров.

В предисловии к изданию авторы, подготовившие публикацию лечебника, отмечают, что он имеет южнорусские истоки, врачебные и целебные рекомендации сочетаются в нем с хозяйственными советами и нравственными наставлениями. «Лечебник – интереснейший, лингвистически малоизученный тип старорусского текста, в котором причудливо переплетаются народно-разговорные, книжные и заимствованные элементы, отражается адаптация иноязычных слов (*холера – холера, маланколия – меланхолия* и др.) через устную славянскую речь» (ТЛ, с. 9–10).

Почерк в оригинале, судя по иллюстрациям в издании, прямой, разборчивый, с большими пробелами между знаменательными словами, преимущественно со слитным написанием с ними служебных слов; пунктуация внутри статей отсутствует, конец статьи обозначен знаком [;].

Источник вошел в научный оборот и стал предметом изучения в работах [Коскина, 2013; Мороз, 2014; Урсу-Архипова, 2005].

3. «Русский старообрядческий лечебник» (далее – АЛ), хранящийся в Алтайском краеведческом музее, представляет собой «комплекс фитотерапевтических средств, использовавшихся во второй половине XVIII в. в Сибири» [Леонтьева, Липинская, 2006, с. 10]. По мнению публикаторов, снабдивших статьи лечебника обширными многоаспектными комментариями, данная рукопись «характеризует уровень развития народных медицинских знаний не только русского, но и всего восточнославянского

населения России» [Леонтьева, Липинская, 2006, с. 10] (см. также: [Липинская, Леонтьева, 1998]). Этот лечебник имеет в конце текста дату «1772 года генваря 15 дня» и помету о писце «Писал Николай С.» (АЛ, с. 58). Судя по приведенным в издании иллюстрациям – копиям страниц оригинала, лечебник записан сложным в палеографическом отношении, витиеватым почерком, с художественным оформлением «в характерном для старообрядцев стиле» [Леонтьева, Липинская, 2006, с. 5], с небольшими пробелами между словами, без выносных букв и с отдельными знаками препинания.

Данный лечебник XVIII в. как более поздний по дате составления, отражающий тенденции в формировании исследуемого типа специальной письменной коммуникации, является основным объектом настоящего исследования.

В работе приведен лексико-грамматический анализ лечебников, использован сопоставительный метод изучения отдельных глав анализируемых лечебников, а также табличное представление материала исследования.

Сопоставив содержание трех источников, мы обнаружили в них наряду со значительным числом совпадающих по предмету описания глав, как правило, в той же их последовательности, отдельные включения из других источников, что характерно для алтайского лечебника, о котором публикаторы сообщают, что он представляет собой «компиляцию из разных источников», «рецепты аналогичные с народными “Травниками”» (АЛ, с. 5). Первая же общая для всех лечебников глава «О корице» (ПВ, л. 94–94 об.; ТЛ, с. 98; АЛ, с. 12), содержащая в ПВ преамбулу с описанием предмета речи по двум классификационным признакам и восемь пронумерованных статей, в ТЛ дана без восьмой статьи со вставкой в четвертую статью прилагательного (недугуют отоком → недугуют водяным отоком) и в седьмую статью глагола (Корица брѣдце укрѣпляет → Корица брѣдце укрѣпляет и обвеселяет), а в АЛ – только трансформированной восьмой статьей (с местоименными и синонимичными заменами, отдельными исключениями и включениями):

(5) А кто коріцу порану ясть часто весь кашель уздравливаєт в перестѣх, ј мозгъ главной, и очи лечить, и всю сипость от горла отгонит. → Кто ея

порану яст, из груди кашель и тягость выгоняет и уздравливает в голове мозг, и очи лечит. Всякую болезнь из гортани выгонит (АЛ, с. 12).

Пример (5), наряду с продемонстрированной ранее лексико-грамматической вариативностью текстов (см. табл. 1), дает основания поставить вопрос о степени «аналогичности» содержания последующих лечебников относительно предыдущих и о самостоятельности новосоставленных произведений.

Отдельные результаты сопоставительного исследования

Для иллюстрации особенностей материала исследования приведем в таблице 2 две, достаточно обширные, тематически совпадающие во всех трех источниках, главы – об анисе и о зинзивере; варианты названия в других источниках – зинзивей ('*Бот.* Трава проскурняк' (СРЯ XVIII, вып. 8, с. 180); 'растение проскурняк' (Даль, т. 1, с. 683); 'растение «*Malva rotundifolia, Malva silvestris*»' (Фасмер, с. 97)), зинзивер, зеньзэбиль, зензевель, дзиндивер ('мальва', укр. *дзіндівер*: «Согласно

Миклошичу <...>, заимств. из тур. *zendžefil* «имбирь», а также (Фасмер, с. 97); в то время как в комментариях к «Алтайскому лечебнику» публикаторы дают толкование 'имбирь' (АЛ, с. 111)). Любопытно, что в самом лечебнике есть отдельная статья «О инбире» (АЛ, с. 20), не совпадающая в содержательном отношении ни со статьей «О зинзивере» (АЛ, с. 38), ни с тождественными статьями «О инбире» в первых двух источниках (ПВ, с. 98, 98 об.; ТЛ, с. 103). Кроме того, в издании алтайского лечебника нет отдельных комментариев, посвященных зинзиверу и имбирию.

Таблица 2 демонстрирует фактическое совпадение текстов глав по объему и содержанию в первых двух источниках (по 202 слова – об анисе; 161 и 171 слово – о зинзивере) и значительное отличие от них текстов XVIII в. в сторону как сокращения (128 слов), так и увеличения (288 слов). При этом часть текстов XVIII в. совпадает с текстами-предшественниками: 72 и 76 общих для всех трех источников слов, преимущественно в тех же формах.

Таблица 2. Статьи из лечебников «Об анисе» и «О зинзивере»

Table 2. Excerpts from medical books “Ob anise (On Anise)” and “O zinzivere (On Malva)”

О анисѣ (ПВ, с. 100–101)	О анисѣ (ТЛ, с. 105)	Об анисе сахарном зелии (АЛ, с. 12–13)
Анисѣ естествомъ тепль и сух в третѣем ступнѣ.	Анис естествомъ есть тепль и сух въ «З»м ступне;	Кто ево порану яст, печень здравит. Анис варить с вином и ясти порану. Утробную болезнь уздравливает. Анису, натерши с бо[б]вою мукою и в белке яичном да с пресным медом, смешать, и собравши, положить на луно, у кого луно пухнет.
А. Аще анису сыплеи на угольной жар и тотъ дух ноздрями обоняваютъ тѣ у которыхъ лице пухнет, и глава болить и обморок обходит.	1. Аще анису сыплеи на жар угольной и тотъ дух ноздрями обоняемъ тѣ у коихъ лице пухнет и глава болит и обморок обходит;	Вторая мочь: у кого лице пухнет и обморок обходит, насыпь анису на уголии и жарь. И дух его ноздрями обоняти.
В. Анис же толченъ и смѣшен съ елеом свороборинным, и то пуцаем в уши; и тако глухость из ушей выведет.	2. Анис же толченъ и смѣшен съ елѣем свороборинным и то пуцаем в уши и тако глухость из ушей выведет;	Анис толченой, и смешав с маслом сереборинным в уши пуцать – глухость выведет.
Г. Анис же прѣятъ часто жажду тушит и отворяет залеганіе жилъ печенных и пузырных и легостно урину движет.	3. Анис прѣятъ часто жажду тушит и отворяет заключеніе жилъ печенных и пузырных и легостно урину движет;	Анис чисто прѣя, жажду тушит и отворяет залегание сил печенных и силезенных и пузырных, и легостно урин движется, и болезнь чревную и вредительную выгонит.
Д. Анис прѣятъ прогонитъ вредительную мокрость телесную, и болѣсть чревную умет и вредительной вѣтръ выгонит.	4. Анис прѣятъ прогонитъ вредительную мокрость тѣлесную и болѣсть чревную умет и вредительную выгонит;	

Продолжение таблицы 2

Continuation of Table 2

О анисѣ (ПВ, с. 100–101)	О анисѣ (ТЛ, с. 105)	Об онисе сахарном зелии (АЛ, с. 12–13)
Е. Анисѣ движет постелныя помыслы яко мужем тако и женамъ, мужескому полу растеніе спермѣ от того пріятія раждается, аще пріемлют его в брашнѣ за обычныя зелія.	5. Анис движет помыслъ постелный яко же мужем тако же і женам мужескому полу ростѣнія спермы от того пріятія рождается аще пріемлют его в брашне за обычные зелія;	Анис движет постельныя помыслы мужем и женам.
S. Анис же пріятъ окормъ изнутри выгонит, и естественную теплотъ и печен нагрѣет, и ноеніе стомаху наводит, и вѣтръ ис кишок выгонит, кой надымает кишки и стомах, и от того ѣлкѣ отяжелѣет.	6. Анис пріят окормъ изнутри выгонит и естественную теплотю и печен нагрѣет и ноеніе стомаху наводит и вѣтръ ис кишок выгонит кои надымают кишки и стомах и от того ѣлкѣ отяжелѣет;	–
З. Аще кто всѣм тѣлом трясется кое тресновеніе бывает от неноеителнаго стомаха, и тѣмъ даемъ послѣдующим лѣчбу. Емли корицы да анису да мастики, всѣх поравну, и вари в винѣ, и то вино давай пити по разсужденію, и тако трысавичное уймется.	7. Аще кто всѣм тѣлом трясется кое трысовеніе бывает от неноеителнаго стомаха и тѣм даем послѣ лѣчбу емли анису да корицы да мастики всѣх поровну и вари в винѣ и то вино дай пити по разсужденію и тако трысновеніе умется;	Если кто телом трясотся, тем даем последующу лечбу: возми анису да столки поровну всех и варить по розсужденію; и тако трысение уймется.
И. Анисѣ варенъ с травою еленя языка, в питіе, и то пріятю отворят залеганіе жилъ печенных и селезенных.	8. Анис варен с травою еленія языка в питіе и то пріятю отворит залеганіе жил печенных и селезенных;	–
О зензевере (ПВ, с. 142–143)	О зензевере (ТЛ, с. 151–152)	О зинзивере (АЛ, с. 38)
Зензеверова трава и сѣмя ея, естеством есть тепла, а силу имѣет мягчителну и отворителну.	1. Зензевирова трава и сѣмя ея естеством сунт теплостна а силу имѣет мягчителну и отворителну;	Диоскор глаголет о той траве; что та трава лист имеет круглой, как подлещикова трава. Цвет же той травы подобен серебрянному. Корень же той травы долог и многу содержит в себе мокрость, внутри же бел. О действии ея. Листвие зинзизеро, пряжно в масле древянном, прикладывать ко всякому отоку болящему, кой бывает на верху тела, и так тот оток поляжет.
А. Корень зензевиров, варен в винѣ или в водѣ, и толчен до клеесты. Прикладываем ко угрем гноеватым, и тако из угрей гнои вытянет, и ожог заживитъ.	2. Корен зензевиров варен в укусе или в водѣ и толчен до клѣести прикладываем ко угрям гноеватым личным и ко ожугу огненному и тако из угрей гнои вытянет и ожог заживит;	Корень зинзизеров прикладывать ко угрем гноеватым личным и тако гноеность вытянет. Семы зензизеро сильнея есть к требованию и приложению к предиреченным немочам, нежели самая тоя трава. Мягчит твердыя огненныя апостемы, то отворит их и заживляет.
В. Сѣмятое травы толчено, и прикладываем к составом надутым или розшибеным оточным и ко иным отоком полягает, и угряная болѣзнь престанет.	3. Сѣмя тое травы горяче и толчено прикладываем к суставом надутым или разшибеным оточным и ко иным отоком к болящему горлу и тако оток полягает и горячая болѣзнь престаает;	То же семя прикладывать к суставам надутым или разшибеным – опухоль полягает. Взять корню зензизеро свежева и толчи гораздо и смешать с семенем льняным поровну и варить в воде, и станет как каша, и то горячее прикладывать к горлу болящему.

Окончание таблицы 2

End of Table 2

О зензеве (ПВ, с. 142–143)	О зензеве (ТЛ, с. 151–152)	О зинзивере (АЛ, с. 38)
Г. То же сѣмя толчено и варено в винѣ, или во обычном питїи и прїято, камен ис почек выведет: и кашель тушит и легостно от кашленїе творит которой кашел- бывает от горячства.	4. То же сѣмя толчено и варено в винѣ или во ином пити прїято камен ис почек выведет и кашел тушит и легостно от кашленїе творит которой кашел бывает от горячства;	Подобным временем, по разсужденїю семя зензиверо тушит , каме камень , кой бывает от горячства , и легостно откашляти творит . Если пьет, достаем тем обычаем: взять сладкаго дуба исоповой травы да зензиверо семя отварить в вине и принимать по разсужденїю – кашель уймет.
Д. Зензеворо сѣмя толчено и в винѣ варено по разсужденїю с елеомъ дервяным ; и аще лице тѣмъ умываем, тогда нечистоту с лица згонит .	5. Зензеворо сѣмя толчено и в винѣ варено по разсужденїю с елѣмъ дрвяным аще ли тѣмъ умываем тогда нечѣстоту у лица згонит ;	То же семя, толченое и в вине варено, по разсужденїю с дрвяным , и тем лице умывать, тогда нечистоту с лица згонит . Корень зензиверо, в воде варен и мелко толчен, доколе ясти и тако прикладывать к ожегу огненному, язвы заживит.
Е. То же сѣмя варено в питїи обычном, и прїято: тогда нутреннїя уды разшибеннїя или удареннїя и нутреной переломъ заживляет .	6. То же сѣмя варено в пити обычном и прїято тогда нутреннїе уды разшибеннїе или удареннїе и нутреной переломъ заживляет ;	То же семя, варено в вине, тогда внутреннїя уды и разшибеннїя или удареннїя заживляет , понеже то пьет, перелом нутреной заживит . Если пчелы ужалят человека, то корень зензиверо, мелко толченки развести в укусе и тем укусом мазать ужаленные места и тако оток поляжет. То же семя, толчено и прїято в пити, тогда камень в почках истребит.
С. Корень той травы толчен , и варен в укусе: и тѣмъ укусом ротъ полощем и тако болѣзнь зубную тушит , и десны укрѣпляет .	7. Корень той травы толчен и варен в укусе: и тѣмъ укусом ротъ полощем и тако болѣзнь зубную тушит и десны укрѣпляет ;	Корень зензиверо, толчен и варен в укусе, и тем укусом полоскают рот , и тако зубную болѣзнь тушит . И десны укрепит .

Принимая во внимание возможные неточности при восприятии текстов не составителями лечебников, а их публикаторами, прокомментируем обнаруженные разночтения.

Глава «Об анисе»:

1. В заголовок главы АЛ введено уточняющее приложение.

2. Вместо преамбулы, общей для ПВ и ТЛ, в АЛ дано описание «первой мочи», при этом содержание первого предложения в основном повторяется в сочетании двух последующих (со сменой модального плана констатации, выраженного формой изъявительного наклонения глагола *яст*, категорическим – посредством инфинитива – волеизъявлением *ясти*), что может быть свидетельством обращения составителя АЛ сразу к двум неназванным источникам.

3. Содержание «второй мочи» аниса в АЛ включает в себя в переработанном виде содержание семи из восьми (кроме шестой) статей ПВ.

3.1. Любопытно обратить внимание на первую статью, содержание которой, вероятно, осталось не вполне понятным для писцов всех трех лечебников, в связи с выражением *обморок обходит*. Это сочетание, наряду с *обморок находит*, фиксирует Словарь русского языка XI–XVII вв. в иллюстрациях к существительному *обморок*; см. также толкование глаголов *обойти*, *обити*:

Обморокъ, м. <...> 2. *Внезапная сильная слабость, сопровождаемая потемнением в глазах и потерей сознания; обморок*. Аще обморокъ обхо-

дить человека, и примеркати начнет во очию, се от крови есть. Пушати кровь. Леч. II, гл. 108. XVIII в. <...> – Ср. **обмакъ, оморокъ, омакъ**. (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 96).

Оморокъ, м. *Обморок, потеря сознания*. <...> короля изымал оморокъ <...> находить на него оморокъ <...> Ср. **обморокъ, омакъ**. (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 395).

Обмакъ, м. То же что обморокъ (в знач. 2). У коихъ обмакъ обходитъ. Травник Любч., 145. XVII в. (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 96).

Омакъ, м. 2. Обморок, потеря сознания. Обдержани суть недугомъ главнымъ, на коихъ омакъ находить. Травник Любч., 145. XVII в. (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 369).

Обойти. <...> ◊ Глава обошла – *голова закружилась*. – Ср. **обити**². (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 120).

Обити² (**обйти, обйти**). <...> 3. *Охватить, объять (об огне, пламени)*. <...> || Перен. *Охватить, объять (о чувстве)*. <...> – Ср. **обойти**. (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 59).

В ПВ и ТЛ первая статья являет собой сложную синтаксическую конструкцию из пяти предикативных частей, со значением условия, выражаемым союзом *аще*. В АЛ – это фрагмент текста из двух предложений. Представим статью со скрепами, сократив части до грамматических основ:

(ПВ) *Аще сыплем (1) и обоняют те (2) у которых лице пухнет (3), и глава болит (4) и обморок обходит (5).*

(ТЛ) *Аще сыплем (1) и обоняем те (2) у коих лице пухнет (3) и глѡва болит (4) и обморок обходит (5).*

(АЛ) *у кого лице пухнет (1) и обморок обходит (2), насыпь (3) и жарь (4). И обоняти (5).*

Исходя из понимания выражения *обморок обходит* как симптома болезненного состояния наряду с *лице пухнет* и *голова болит*, что подтверждается сочинительной связью с союзом *и* во всех лечебниках (и особенно изменением порядка предикативных частей в АЛ), мы можем полагать, что в ПВ эта статья была недописанной – в ней нет указания на ожидаемый положительный эффект. Правда, в ПВ в ней различаются субъекты действия в несомненно являющихся однородными придаточными условия частях 1 (*сыплем* → *мы*) и 2 (*обоняют те*); по отношению к подлежащему *те* предикативные части 3, 4 и 5 предстают как однородные придаточные определительные. Если же допус-

тить, что выражение *обморок обходит* имеет значение желаемого результата (полагаясь на значение ‘4. *Пройти стороной, минуя кого-, что-л., обогнуть*. <> || *Миновать, пропустить*’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 119)), не обращая внимания на место постановки запятой перед союзом *и*, тогда конструкция обретет в ПВ свою смысловую завершенность и логичность.

Относительно ТЛ встает вопрос об описке в глагольной форме *обоняем* – в противном случае содержание статьи представляется невразумительным.

В АЛ ситуация интерпретирована следующим образом: субъект действия, совпадающий с субъектом речи, устранен из предлагаемой ситуации и заменен на адресата текста, который самостоятельно может выполнить рекомендацию (при этом существительное *жар* с выносной согласной в конце слова вполне объяснимо, по условиям скорописи, «трансформируется» в повелительную форму глагола *жарь*): *сыплем на жар* → *насыпь и жарь*. Вопрос о том, кто должен обонять дух ноздрями, переходит из области грамматической сочетаемости, как в ПВ и ТЛ, в дискурсный аспект и устраняется из текста как необязательная сочетаемость при инфинитиве (*обоняют* → *обоняем* → *обоняти*). Ту же модальную трансформацию текста наблюдаем во второй статье (*пуцаем* → *пуцаем* → *пуцать*).

3.2. В четвертом рецепте АЛ объединены рекомендации 3, 4 и 8 статей главы из ПВ, с двумя существенными различиями: введением наречия *чисто* и прочтением слова *жил* как *сил*.

3.3. Следы явной неотредактированной писцом вторичности текста АЛ находим в последнем рецепте главы: сочетание *поровну всех* не подкреплено в нем перечислением необходимых ингредиентов: в АЛ назван только *анис*, в то время как в ПВ и ТЛ – *анис, корица* и *мастика*. Модальная трансформация проявляется в усилении степени категоричности: личная форма *вари* заменена инфинитивом *варить*.

Глава «О зинзивере»:

1. Прембула (различающаяся в ПВ и ТЛ краткими прилагательными *тепла* и *теплостна*) заменена в АЛ описанием растения на основании того, что «Диоскор глаголет».

2. Содержание всех семи статей главы, имеющих в ПВ и практически скопированных в ТЛ, находим и в АЛ (с включением в главу других рекомендаций, расширяющих спектр применения растения), с сохранением в основном лексико-грамматического их состава, за исключением тех же модальных трансформаций глагольных форм: *прикладываем* → *прикладывать*, *умываем* → *умывать*, *полощем* → *полоскать*. Ср. в новых рецептах АЛ: *взять, смешать, варить, прикладывать; взять, отварить, принимать; прикладывать; развести, мазать*. Единственное исключение – некорректная глагольная форма *доставаем* в АЛ после «аналога» третьей статьи в ПВ и четвертой в ТЛ.

3. Любопытны два совпадения в текстах ТЛ и АЛ включений, отсутствующих в ПВ: прилагательного *личным* (статья 2 в ТЛ) и сочетания *к болящему горлу* (статья 3 в ТЛ), в АЛ – *к горлу болящему*. Такая общность может косвенно свидетельствовать об обращении писцов этих двух лечебников еще к одному общему, помимо ПВ, источнику.

Глагольные формы как отражение принципа институциональной медицинской коммуникации

Наблюдения за функционированием в АЛ глаголов, которые в ПВ и/или в ТЛ употреблены в форме 1-го л. мн. ч. наст. времени, то есть называют совместное с потенциальным пользователем лечебника участие в действии субъекта речи, на материале десяти сопоставляемых глав, в том числе представленных в настоящей статье в табличных вариантах, обнаруживает последовательную трансформацию различных личных форм глагола (а также кратких страдательных причастий и девербативов) в инфинитивы (в том числе в зависимые в структуре безличных конструкций). В частности:

– глава «О шафране» (ПВ, л. 101 об.–102; ТЛ, с. 106; АЛ, с. 14): *прият* → *добро принимать*;

– глава «О пшене сорочинском» (ПВ, л. 106 об.–107; ТЛ, с. 112; АЛ, с. 15): *варят* → *варить; прибавим* → *прибавить*;

– глава «О васильках» (ПВ, л. 113–114; ТЛ, с. 121; АЛ, с. 16): *варена* → *варить; даем*

питу → *пить; толчет, смешав* → *толчет и смешает* → *толчи и смешать*;

– глава «О исопе» (ПВ, л. 117 об.–118 об.; ТЛ, с. 125–126; АЛ, с. 36): *положена* <...> и *пито* → *если положить* <...> и *пить; полощем* → *полоскать*;

– глава «О пионии» (ПВ, л. 122–123 об.; ТЛ, с. 130–131; АЛ, с. 19): *толчено и приятно* → *толчено. И приятно; и то приятие* → *и то мочно приятно*;

– глава «О мокрице» (ПВ, л. 145 об.; ТЛ, с. 154; АЛ, с. 26): *парим* → *парить* → *парить*.

Обратим внимание, что отдельные глагольные формы 1-го л. мн. ч. НСВ наст. времени, называющие потенциально-узуальные действия обобщенного активного субъекта (которым, вероятно, может быть и сам больной), в других статьях АЛ присутствуют в незначительном количестве, как правило, в главах, повторяющих содержание аналогичных глав из ПВ и ТЛ (6–8), например:

(6) Корень тое травы варень в винѣ и толчень, и то **прикладываемъ** ко отоку <...> Та трава варена в водѣ и с кореніемъ толчена, и ту воду аще дѣтемъ малымъ даемъ пити тогда <...> (ПВ, с. 134);

(7) Корен тое травы варен в винѣ и толчен и то **прикладываем** ко отоку <...> Та трава и с коренем толчена и варена в водѣ и ту воду аще дѣтем малымъ даемъ пити тогда <...> (ТЛ, с. 134);

(8) Корень фиалковой варить в вине и толчи – **прикладываем** ко всякому отоку <...> Та трава, с корнем варена в воде и толчена, даем малым детям. Тогда <...> (АЛ, с. 21).

Таким образом, грамматически выраженное формой глагола значение совместного действия, создающего эффект неофициальной коммуникации, мягкой рекомендации, положительный результат от использования которой гарантирован опытом субъекта речи, последовательно устраняется из текста АЛ.

Чаще всего в АЛ встречаются глагольные формы 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения, содержащие прямые наставления адресату. Субъект действия при глаголах в форме императива не определен; вероятно, деятелем при глагольных лексемах *насыть, жарь, столки, вари, возьми, всыпли, выжми, выкинь, высуши, дави, дай, дайвай, жги, закутай, запечатай, затыкай, истолки, ме-*

шай, нагрей, налей, наполняй (фиксируемые также в ПВ и ТЛ) и др. может быть не только врач, но и сам болеющий человек, при глагольных формах *яждь, поди*, как и при глагольных лексемах *ясти, пить* – только больной. Тем не менее использование лечебника для самолечения мы не можем исключить в связи с тем, что в АЛ фиксируем, хотя и единичные, случаи употребления личного местоимения *ты* (в отличие от ПВ и ТЛ), например, в главе о масличных бобках:

(9) ...и кто похочет подобре иметь, то *возми* три бобка да варенцу корню и *яждь* порану. И *поди* в мыльну. И ты *видишь*, как пойдет из тебя вонючий пот (АЛ, с. 13).

Указание на отличительные характеристики объекта лечения, больного, в конструкции с относительным местоимением *кто*, как в примере (9), свойственно всем трем сопоставляемым лечебникам, но если в ПВ и ТЛ объект и субъект врачевания, как правило, разграничиваются, то в АЛ синтаксис предложения часто таков, что однозначно определить субъекта рекомендуемого действия не представляется возможным, например, в главе «О васильках»:

(10) Аще кто велми жилится заднимъ проходомъ а нутрь не движется, тотъ да емлетъ траву василкову и варить в винѣ, да смешавъ с масломъ деревяннымъ гораздо, и то болящей приемлетъ и скоро проход движеть (ПВ, с. 127);

(11) Аще кто велми жилитца задним проходом а нутрь не вяжется тогда емлет траву василкову и варит в вине смешат с маслом деревяннымъ гораздо и то болящей приемлет и скоро проход движет (ТЛ, с. 121);

(12) Кто жилится велми задним проходом и нутрь не движется, варить в вине, смешав с маслом деревяннымъ гораздо, и прияти – скоро прохот движет (АЛ, с. 16).

Встречающиеся в АЛ конструкции с местоимением *который* также грамматически, в структуре предложения, не дают однозначного ответа о субъекте врачевания, например:

(13) Которой человек увечен животом, варить кропиву в воде и пить. У кого грыжа, варить семя кропивное с медом пресным и тот час пить – будет здрав (АЛ, с. 38).

Эта информация, вероятно, производная от специфики коммуникативной ситуации, специфики дискурса, для составителя лечебника была очевидна.

«Алтайский лечебник» в модальной проекции

По словам публикаторов, в АЛ «как бы соединено несколько исторических пластов, отражающих развитие медицинских знаний от народных наблюдений за природой растительного мира до профессионально изготовленных лечебных препаратов» [Леонтьева, Липинская, 2006, с. 6].

Его подзаголовок (в варианте, предлагаемом публикаторами) – «Норма ко редно или оптека, имеющая в себе приписание всех лекарств, котория обретаются в оптеках, писаны своим портяком, из которых может себе каждый человек употреблять в небытии доктора, имея оныя у себе в собрании, на то устроенной шкатулке или в постороне келии в шкафе, на то устроенном, о зелиях, весьма ужиточных» (АЛ, 2006, с. 12) – «расшифрован» ими как «Правила ко уряду (или учреждению) необходимые для устройства аптеки и самолечения (домашнего)» [Леонтьева, Липинская, 2006, с. 5]. Таким образом, заголовок ориентирован на два типа адресата – аптекаря и того, кто хотел бы вылечить себя сам.

Исследование показало, что в «Алтайском лечебнике» второй половины XVIII в. присутствуют как отголоски древнерусских травников с их верой в силу молитвы (14) или магию заговора (15), например:

(14) Заговор от зубов. «Христос воскресе из мертвых», – сии слова напиши на бумаге и положи на зубы на ночь.

(15) [Заговор от собачьего лая.] Тьфу, те двухшерстно, будь глуха и нема и слепа, как во чреве матери была, и будь сейчас. Аминь. За аминь сам Бог почивает. Сии слова говори трижды. Да не будет лаять (АЛ, с. 52),

так и профессионально составленные рецепты, с классической для такого типа грамматикой латинского Imperativus: *Da tales doses...* (*Выдай такие дозы*), *Misce* (*Смешай*), *Signa* (*Обозначь*), например:

(16) Возьми меда краснова четверть фунта и водочной травки двадцать пять капель со ртутью и целибухи. Пить три и четыре раза в сутки (АЛ, с. 47), но чаще различные по содержанию рекомендации (в том числе с учетом доступности исходного материала в домашнем употреблении) получают модальность категорического волеизъявления, будучи выраженными инфинитивом, например:

(17) Полоскание от цынготы. Взять самого крепкаго уксусу и розовой воды по четыре унца, перечищенной селитры и квасцов – два драхма, меду краснова – шесть унцев, сулемы – пять граней, развести сулему с розовой водой и смешать вместе полоскать во рту.

(18) От бородавок. Взять сырое дерево и положить на угли горящи, а из другога конца будет пена. И этой пеной мазать бородавки (АЛ, с. 49, 51).

Таким образом, компилированный из разных источников (что отражается, помимо прочего, в сосуществовании в нем форм инфинитива на *-ти* и на *-ть*) «Алтайский лечебник» является рукописью, отличающейся по содержанию и грамматическим характеристикам от «Прохладного вертограда» и «Тобольского лечебника», которые могут рассматриваться в отношении друг друга как списки одного источника. «Алтайский лечебник» с его выраженной тенденцией к модальности категорического волеизъявления (что проявляется и в заголовке посредством лексики *норма*, которую публикаторы трансформировали в *правила*) тяготеет на этом модальном основании к статусу самостоятельного текста, но включает только свод рекомендаций, то есть произведение, имеющее, по словам публикаторов, следы редактирования разными почерками, но не связанное в своей языковой материи единством стиля и, соответственно, автора [Леонтьева, Липинская, 2006, с. 5].

Выводы

Привлеченные к сопоставительному исследованию лечебники из сибирских архивов представляют собой тексты – реализации данной жанровой разновидности письменной коммуникации, вступающие в отношения как параллельности, так и последовательности в проекции на известные лечебники из собра-

ний европейской части России. В связи с этим процессы, обнаруженные на материале анализируемых источников, можно рассматривать на другом материале для определения как типичных признаков подобных текстов, детерминируемых их общей дискурсивной природой, так и особенностей, зависящих от разных причин, в том числе от навыков институциональной коммуникации субъекта письменной речи. Для достижения этих и других исследовательских целей полезно было бы создать корпус русских лечебников, который, с учетом заимствованной их природы, о чем сообщают авторы, мог бы быть востребован при дальнейшем, в том числе сравнительном, изучении.

Судя по сопоставленным текстовым фрагментам, сходным по предмету описания, ТЛ является списком одного из текстов под названием ПВ. Старообрядческий АЛ – пример процесса становления письменного текста нового формата в институциональной медицинской коммуникации, дискурса, в котором модальность мягкой рекомендации, основанной на личном опыте субъекта речи, выражающего себя грамматически в глагольной форме со значением совместного действия, трансформируется в более жесткий, формализованный рецепт с личными формами повелительного наклонения или в категорический директив, выраженный глагольным инфинитивом, с устранением каких-либо признаков субъекта волеизъявления из грамматики текста.

Критическое изучение лечебников показало, что их составители, названные В.В. Колесовым «списателями», достаточно ответственно относились к процессу построения связного текста и, в случае осознаваемого ими спорного прочтения переписываемого оригинала, использовали грамматические формы, которые обеспечили бы правильность содержания и связность средств его выражения в новом тексте.

Проведенное нами исследование диахронного фрагмента на пути развития письменной медицинской коммуникации позволяет согласиться с В.З. Демьянковым в том, что «адаптация мнения к когнитивному окружению включает выбор стандарта точности и манеру выяснения истины» [Демьянков, 2020,

с. 14]. Старорусские лечебники как тексты с основами медицинских знаний, тексты «неполного знания» трансформируются в юридически значимые документы, в частности в современные рецепты и протоколы лечения болезней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анциферова О. Н., 2020. Названия болезней и болезненных состояний в издании В.М. Флоринского «Русские простонародные травники и лечебники»: состав, словообразовательные модели // Научный диалог. № 2. С. 9–20. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-9-20.
- Афанасьев А. Н., 1994. Поэтические воззрения славян на природу : Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3 т. Т. 1. М. : Индрик. 803 с.
- Буслаев Ф. И. О народной поэзии в древнерусской литературе. Речь, произнесенная 12 января 1859 г. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003648514 (дата обращения: 09.12.2020).
- Глинкина Л. А., Выхрыстюк М. С., 2006. Тобольский список лечебника XVII – начала XVIII в. в контексте русской традиционной культуры // Научный альманах. Традиционная культура. № 2. С. 57–64.
- Голицына О. Ю., 2009. Медицина в культуре России XVIII века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград. 29 с.
- Груздев В. Ф., 1974. Рукописные лечебники в собрании Пушкинского Дома // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1974. Т. 29. С. 343–348.
- Демьянков В. З., 2020. О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4. С. 5–17.
- Живов В. М., 1996. Язык и культура в России XVIII века. М. : Шк. «Яз. рус. культуры». 591 с.
- Ипполитова А. Б., 2004. Русские рукописные травники XVIII века как феномен культуры : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 28 с.
- Ипполитова А. Б., 2008. Русские рукописные травники XVII–XVIII вв. : исследование фольклора и этноботаники. М. : Индрик. 512 с.
- Колесов В. В., 1987. Из лечебников и травников // Памятники литературы Древней Руси. Вып. 9. Конец XVI – начало XVII в. : сборник / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. : Худож. лит. С. 492–527, 607–613.
- Коскина Н. А., 2013. Сибирские рукописные лечебники XVII–XVIII вв. в аспекте книжности и разговорности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск. 23 с.
- Коткова Н. С., 1991. Лечебник последней трети XVII века // Источники по истории русского языка XI–XVII вв. : сб. ст. / отв. ред. В. Г. Демьянов, Н. И. Тарабасова. М. : Наука. С. 173–195.
- Леонтьева Г. А., Липинская В. А., 2006. Русский старообрядческий лечебник. М. : Археодоксия. 128 с.
- Липинская В. А., Леонтьева Г. А., 1998. Старообрядческий травник из Южной Сибири (к материалам внешней критики) // Мир старообрядчества. М. : РОССПЭН. Вып. 4. С. 315–320.
- Лихачев Д. С., 1983. Текстология : На материале русской литературы X–XVII веков. Л. : Наука. 645 с.
- Лихачев Д. С., 1987. Подступы к решительным переменам в строении литературы // Памятники литературы Древней Руси : сборник. Вып. 9. Конец XVI – начало XVII в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. Л. : Худож. лит. С. 5–22.
- Мороз К. В., 2014. Типизированные текстообразующие модели разговорного синтаксиса тобольского «Лечебника XVII века» // Международный журнал экспериментального образования. № 6, ч. 2. С. 148. URL: <http://www.expeducation.ru/ru/article/view?id=5269> (дата обращения: 09.12.2020).
- Пименова М. В., 1986. Способы номинации цвета в рукописных травниках XVII–XVIII вв. // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. С. 66–70.
- Пименова М. В., 1987. Семантика цветообозначений по памятникам древнерусской литературы (на материале травников, лечебников, иконописных подлинников) : дис. ... канд. филол. наук. Л. 205 с.
- Пименова М. В., 2010. К истории названий и описаний растений (на материале «простонародных» травников) // Историческая лексикология и лексикография. Вып. 8 : межвуз. сб. / отв. ред. О. А. Черепанова. СПб. : Изд-во Филол. фак. СПбГУ. С. 118–127.
- Урсу-Архипова А. П., 2005. Тобольский «Травник XVIII века» как лингвистический источник : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск. 23 с.
- Флоринский В. М., 1879. Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия. Казань : Тип. Императ. ун-та. 229 с.
- Chodurska H., 2003. Ze studiów nad fitonimami rękopiśmiennych zielników wschodniosłowiańskich XVII–XVIII wieku. Kraków : Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej. 409 s.

Kur-Koconowicz J., 2014. Названия кустарников в русском языке как предмет лингвистических исследований // Текст – Предложение – Слово / red. A. Czapiga, Z. Czapiga. Rzeszów : Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego. С. 24–34.

Kur-Koconowicz J., 2016. Rosa Sibirica, Rosa Canina и другие дикорастущие розы: русские и польские названия // Филологический дискурс : вестн. Ин-та филологии и журналистики Тюмен. гос. ун-та. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та. Вып. 13 : Региональные тексты, мифы, бренды. С. 52–61.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

АЛ – Лечебник XVIII века из Алтайского края / Г. А. Леонтьева, В. А. Липинская // Русский старообрядческий лечебник. М. : Археодоксія, 2006. С. 12–58.

БиЭ – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVIIIА. СПб. : Семеновская Типо-литография, 1901. 960 с.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. М. : Рус. яз., 1989. 699 с.

Ефремова – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 1. М. : Рус. яз., 2000. 1209 с. URL: <http://www.endic.ru/efremova/Travnik-109213.html> (дата обращения: 03.12.2020).

МЭСБЕ – Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 4 т. Т. 2. Вып. 4. Почва – Иссоп. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1909. 2214 с.

ЛВ – Лечебник или Прохладный вертоград. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_009995086 (дата обращения: 15.12.2020).

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12. О – Опарный. М. : Наука, 1987. 381 с.

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–19. Л. ; СПб. : Наука, 1984–2011.

ТЛ – Тобольский лечебник XVII века / под общ. ред. Л. А. Глинкиной. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. 286 с.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. М. : Прогресс, 1986. 672 с.

ЭСМТ – Энциклопедический словарь медицинских терминов. В 3 т. Т. 2–3. М. : Сов. энцикл., 1983–1984. URL: http://www.rubricon.com/dmt_1.asp (дата обращения: 03.12.2020).

REFERENCES

Antsiferova O.N., 2020. Nazvaniya bolezney i boleznennykh sostoyaniy v izdanii V.M. Florinskogo «Russkiye prostonarodnye travniki i lechebniki»: sostav, slovoobrazovatel'nye modeli [Names of Diseases and Painful Conditions in Publication of V.M. Florinsky "Russian Common Folk Herbalists and Healers": Composition, Word-Formation Models]. *Nauchnyi dialog*, no. 2, pp. 9–20. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-9-20.

Afanas'yev A.N., 1994. *Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy, v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov. V 3 t. T. 1* [Poetic Views of the Slavs on Nature: The Experience of a Comparative Study of Slavic Legends and Beliefs in Connection with the Mythical Legends of Other Related Peoples. In 3 Vols. Vol. 1]. Moscow, Indrik Publ. 803 p.

Buslaev F.I. *O narodnoy poezii v drevnerusskoy literature. Rech', proiznesennaya 12 yanvarya 1859 g.* [On Folk Poetry in Ancient Russian Literature. Speech Given on January 12, 1859]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003648514 (accessed 9 December 2020).

Glinkina L.A., Vykhristyuk M.S., 2006. Tobol'skiy spisok lechebnika XVII – nachala XVIII v. v kontekste russkoy traditsionnoy kul'tury [Tobolsk List of the Medical Book of the 17th–Early 18th Century in the Context of Russian Traditional Culture]. *Nauchnyi al'manakh. Traditsionnaya kul'tura*, no. 2, pp. 57–64.

Golitsyna O.Yu., 2009. *Meditsina v kul'ture Rossii XVIII veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Medicine in the Culture of Russia in the 18th Century. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Volgograd. 29 p.

Gruzdev V.F., 1974. Rukopisnye lechebniki v sobranii Pushkinskogo Doma [Handwritten Medical Books in the Collection of the Pushkin House]. Likhachev D.S., ed. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., vol. 29, pp. 343–348.

Dem'yankov V.Z., 2020. O yazykovykh tekhnikakh adaptatsii mneniya [On Linguistic Techniques of Adapting Opinions]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 4, pp. 5–17.

Zhivov V.M., 1996. *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and Culture in the 18th Century Russia]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoy kul'tury» Publ. 591 p.

- Ippolitova A.B., 2004. *Russkiye rukopisnye travniki XVIII veka kak fenomen kul'tury: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Russian Handwritten Herbals of the 18th Century As a Cultural Phenomenon. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 28 p.
- Ippolitova A.B., 2008. *Russkiye rukopisnye travniki XVII–XVIII vv.: issledovaniye fol'klora i etnobotaniki* [Russian Handwritten Herbalists of the 17th–18th Centuries. Study of Folklore and Ethnobotany]. Moscow, Indrik Publ. 512 p.
- Kolesov V.V., 1987. *Iz lechebnikov i travnikov* [From Medical Books and Herbals]. Dmitriyev L.A., Lihachev D.S., eds. *Pamyatnikili teratury Drevney Rusi. Vyp. 9. Konets XVI – nachalo XVII v.: sbornik* [Literary Monuments of Ancient Russia. Iss. 9. Late 16th – Early 17th Century. Collection]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 492-527, 607-613.
- Koskina N.A., 2013. *Sibirskiyе rukopisnye lechebniki XVII–XVIII vv. v aspekte knizhnosti i razgovornosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Siberian Handwritten Medical Books of the 17th–18th Centuries in the Aspect of Bookishness and Colloquiality. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Arkhangel'sk. 23 p.
- Kotkova N.S., 1991. *Lechebnik posledney treti XVII veka* [Medical Book of the Last Third of the 17th Century]. Dem'yanov V.G., Tarabasova N.I., eds. *Istochniki po istorii russkogo yazyka XI–XVII vv.: sb. st.* [Sources on the History of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ, pp. 173-195.
- Leont'yeva G.A., Lipinskaya V.A., 2006. *Russkiy staroobryadcheskiy lechebnik* [Russian Old Believer Medical Book]. Moscow, Archeodoxia Publ. 128 p.
- Lipinskaya V.A., Leont'yeva G.A., 1998. *Staroobryadcheskiy travnik iz Yuzhnoj Sibiri (k materialam vneshnej kritiki)* [Old Believer Herbalis from South Siberia (To the Materials of External Criticism)]. *Mir staroobryadchestva* [The World of the Old Believers]. Moscow, ROSSPEN Publ., iss. 4, pp. 315-320.
- Likhachev D.S., 1983. *Tekstologiya: Na materiale russkoy literatury X–XVII vekov* [Textology: Based on the Material of Russian Literature of the 10th–17th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ. 645 p.
- Lihachev D.S., 1987. *Podstupy k reshitel'nym peremenam v stroenii literatury* [Approaches to Drastic Changes in the Structure of Literature]. Dmitriyev L.A., Lihachev D.S., eds. *Pamyatnikili teratury Drevney Rusi. Vyp. 9. Konets XVI – nachalo XVII v.: sbornik* [Literary Monuments of Ancient Russia. Iss. 9. Late 16th – Early 17th Century. Collection]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 5-22.
- Moroz K.V., 2014. *Tipizirovannye tekstoobrazuyushchiye modeli razgovornogo sintaksisa tobol'skogo «Lechebnika XVII veka»* [Typed Text-Forming Models of the Colloquial Syntax of the Tobolsk “Medical Book of the 17th Century”]. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'noy obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education], no. 6, part 2, p. 148. URL: <http://www.expeducation.ru/ru/article/view?id=5269> (accessed 9 December 2020).
- Pimenova M.V., 1986. *Sposoby nominatsii tsveta v rukopisnykh travnikakh XVII–XVIII vv.* [Methods for Nominating Color in Handwritten Herbals of the 17th–18th Centuries]. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya istorii, yazyka i literatury*, iss. 4, pp. 66-70.
- Pimenova M.V., 1987. *Semantika tsvetooboznacheniy po pamyatnikam drevnerusskoy literatury (na materiale travnikov, lechebnikov, ikonopisnykh podlinnikov): dis. ... kand. filol. nauk* [Semantics of Color Designations According to the Monuments of Old Russian Literature (Based on the Material of Herbals, Medical Books, Icon-Painting Guides). Cand. philol. sci. diss.]. Leningrad. 205 p.
- Pimenova M.V., 2010. *K istorii nazvaniy i opisaniy rasteniy (na materiale «prostonarodnykh» travnikov)* [To the History of the Names and Descriptions of Herbs (On the Basis of People's Herbs' Books)]. Cherepanova O.A., ed. *Istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya. Vyp. 8: mezhvuz. sb.* [Historical Lexicology and Lexicography. Interuniversity Collection. Iss. 8]. Saint Petersburg, Izd-vo Filologicheskogo fakul'teta SPbGU, pp. 118-127.
- Ursu-Arkhipova A.P., 2005. *Tobol'skiy «Travnik XVIII veka» kak lingvisticheskiy istochnik: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Tobolsk “Herbal of the 18th Century” As a Linguistic Source. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Chelyabinsk. 23 p.
- Florinskiy V.M., 1879. *Russkiye prostonarodnye travniki i lechebniki. Sobraniye medicinskikh rukopisey XVI i XVII stoletiya* [Russian Folk Herbals and Medical Books. Collection of Medical Manuscripts of the 16th and 17th Centuries]. Kazan, Tipografiya Imperatorskago universiteta. 229 p.
- Chodurska H., 2003. *Ze studiów nad fitonimami rękopiśmiennych zielników wschodniosłowiańskich XVII–XVIII*. Kraków, Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej. 409 s.
- Kur-Kononowicz J., 2014. *Nazvaniya kustarnikov v russkom yazyke kak predmet lingvisticheskikh issledovaniy* [Shrub Names in Russian As a Subject of Linguistic Research]. Czapiga A., Czapiga Z., eds. *Tekst – Predlozhenie – Slovo* [Text – Sentence –

- Word]. Rzeszów, Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, pp. 24–34.
- Kur-Kononowicz J., 2016. Rosa Sibirica, Rosa Canina i drugie dikorastushchie rozy: russkie i pol'skie nazvaniya [Rosa Sibirica, Rosa Canina and Other Wild Roses: Russian and Polish Names]. *Filologicheskij diskurs: vestn. In-ta filologii i zhurnalistiki Tyumen. gos. un-ta* [Philological Discourse. Bulletin of the Institute of Philology and Journalism of Tyumen State University]. Tyumen, Izd-vo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, iss. 13, pp. 52–61.
- SOURCES AND DICTIONARIES**
- Leont'yeva G.A., Lipinskaya V.A. Lechebnik XVIII veka iz Altayskogo kraja [Medical Book of the 18th Century from Altai Krai]. *Russkiy staroobryadcheskiy lechebnik* [Russian Old Believer Medical Book]. Moscow, Archeodoxia Publ., 2006, pp. 12–58.
- Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona. T. XVIII* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. Vol. XVIII]. Saint Petersburg, Semenovskaya Tipolitografiya, 1901. 960 p.
- Kuznetsov S.A., ed. *Bol'shoy tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4 t. T. 1* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols. Vol. 1]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1989. 699 p.
- Efremova T.F. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi. V 2 t. T. 1* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Derivational. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. 1209 p. URL: <http://www.endic.ru/efremova/Travnik-109213.html> (accessed 3 December 2020).
- Malyi entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona. V 4 t. T. 2. Vyp. 4. Pochva – Issop* [Small Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. In 4 Vols. Vol. 2. Iss. 4. Pochva – Issop]. Saint Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., 1909. 2214 p.
- Lechebnik, ili Prokhladnyi vertograd* [Book Called Cool Garden]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_009995086 (accessed 15 December 2020).
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 12. O – Oparnyy* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries. Iss. 12. O – Oparnyy]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 381 p.
- Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Vyp. 1–19* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Leningrad, Saint Petersburg, Nauka Publ., 1984–2011, iss. 1–19.
- Glinkina L.A. *Tobol'skiy lechebnik XVII veka* [Tobolsk Medical Book of the 17th Century]. Chelyabinsk, Izd-vo Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2003. 286 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 2* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols. Vol. 2]. Moscow, Progress Publ., 1986. 672 p.
- Entsiklopedicheskiy slovar' meditsinskikh terminov. V 3 t. T. 2–3* [Encyclopedic Dictionary of Medical Terms. In 3 Vols. Vol. 2–3]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1983–1984. URL: http://www.rubricon.com/dmt_1.asp (accessed 3 December 2020).

Information About the Authors

Olga V. Trofimova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Tyumen State University, Respubliki St, 9, 625003 Tyumen, Russia, otrofim@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0577-2443>

Anastasia V. Petrukhina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Philological Disciplines, Tyumen State Medical University, Odesskaya St, 54, 625023 Tyumen, Russia, kosivets@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2886-6688>

Информация об авторах

Ольга Викторовна Трофимова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, Тюменский государственный университет, ул. Республики, 9, 625003 г. Тюмень, Россия, otrofim@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0577-2443>

Анастасия Владимировна Петрухина, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин, Тюменский государственный медицинский университет, ул. Одесская, 54, 625023 г. Тюмень, Россия, kosivets@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2886-6688>